

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Чащина Е. А. Семантическая эволюция слов *друг*, *товарищ*, *брат* и их производных в истории русского языка XI—XVII веков / Е. А. Чащина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 151—169. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-151-169.

Chashchina, E. A. (2026). Semantic Evolution of Words ‘drug’ [Friend], ‘tovarishch’ [Comrade], and ‘brat’ [Brother] and Their Derivatives in Russian Language from Eleventh to Seventeenth Centuries. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 151-169. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-151-169. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Семантическая эволюция слов *друг*, *товарищ*, *брат* и их производных в истории русского языка XI—XVII веков

Чащина Елена Анатольевна

orcid.org/0000-0002-0309-9179

PhD hab., профессор,
заведующая кафедрой общего
и сравнительного языкознания
jelena.c@amu.edu.pl

Познаньский университет
им. Адама Мицкевича
(Познань, Польша)

Semantic Evolution of Words ‘drug’ [Friend], ‘tovarishch’ [Comrade], and ‘brat’ [Brother] and Their Derivatives in Russian from Eleventh to Seventeenth Centuries

Elena A. Chashchina

orcid.org/0000-0002-0309-9179

PhD hab., Professor,
Head of the Department of General
and Comparative Linguistics
jelena.c@amu.edu.pl

Adam Mickiewicz
University of Poznan
(Poznan, Poland)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена лексике, обозначающей «своих» в русском языке, в частности словообразовательным гнездам субстантивов *друг*, *товарищ* и *брат*. Целью исследования является анализ данных лексем с точки зрения эволюции их семантической структуры в период XI—XVII веков. Выявляются факторы социального, экономического и историко-культурного характера, обусловившие эти изменения. Актуальность исследования состоит в обращении к истокам указанной лексики, в выявлении исходных значений слов, а также причин, обусловивших их семантическую эволюцию, на материале различных письменных источников древней и средневековой Руси. Исследование выполнено с использованием описательного метода, сравнительно-исторического метода для реконструкции семантических отношений, а также лексикографического метода и метода лингво-культурологического анализа. Установлено, что общины в период Древней Руси именовались лексемами *братчина* и *дружина*, а сообщества людей по разным видам деятельности — существительными *товарищество* и *товарство*. Показано, что важную роль в объединении людей не на основе близкого родства, а на базе их общих интересов, духовной близости и профессиональной деятельности, в том числе воинской службы, играло явление *побратимства*. Субстантивы *дружина* и *дружба* обозначали сообщества, одним из важнейших признаков которых была тесная связь их членов, основанная на взаимных обязательствах.

Ключевые слова:

историческая лексикология; семантика *свой* и *свои*; Древняя Русь; Средневековая Русь; *друг*; *товарищ*; *брат*; *дружба*; *товарищество*; *побратимство*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study focuses on lexemes that denote insiders or one's own people in the Russian language, specifically word families derived from substantives such as *drug* [friend], *tovarishch* [comrade], and *brat* [brother]. The primary objective is to analyze these lexical units with respect to their semantic evolution over the period spanning the eleventh through seventeenth centuries. Factors influencing this change are identified, including socio-economic transformations and historical-cultural developments. The relevance of this research lies in its exploration of the origins of these terms, uncovering their original meanings and elucidating the reasons behind their subsequent semantic shifts using various written sources from Ancient and Medieval Russia. Methodologically, the investigation employs descriptive analysis, comparative-historical reconstruction for establishing semantic relationships, lexicographic methods, and linguo-cultural analysis. It demonstrates that communities during Kievan Rus were designated by words like *bratchina* and *druzhina*, while groups formed based on shared activities were referred to as *tovarishchestvo* and *tovarstvo*. The phenomenon of sworn brotherhood (*pobratimstvo*) played a significant role in uniting individuals not merely on the basis of close kinship but also due to common interests, spiritual affinity, and professional endeavors, particularly military service. Substantives like *druzhina* and *druzha* signified collectivities characterized by strong bonds among members rooted in mutual obligations.

Key words:

Historical Lexicology; Semantics of In-group Membership; Old Rus'; Medieval Rus'; Friend; Comrade; Brother; Friendship; Association; Sworn Brotherhood.

УДК 811.161.1'37::392.71

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-151-169

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Семантическая эволюция слов *друг, товарищ, брат* и их производных в истории русского языка XI—XVII веков

© Чашина Е. А., 2025

1. Введение = Introduction

Семантической оппозиции *свой* — *чужой* уделяется значительное внимание исследователями не только в области языкознания, но также в области философии, культуры, истории, антропологии и других научных дисциплин. Как отмечал Ю. М. Лотман, «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“их”)», причем свое пространство характеризуется как “безопасное” и “гармонически организованное”, а “чужое” как “враждебное” и “хаотичное» [Лотман, 1996, с. 175]. Вполне закономерным является стремление человека объединиться со «своим / своими» и дистанцироваться от «чужого / чужих», что может быть обусловлено прежде всего этническими и социальными факторами [Балясникова, 2003]. В. Г. Фельде в своем исследовании «Оппозиция “свой — чужой” в культуре» подчеркивает универсальный и вневременной характер данной оппозиции, которая «проникает в разные сферы человеческого бытия», и анализирует в числе других культурно-антропологические ее аспекты [Фельде, 2015, с. 3]. Значимость объединения людей и их размежевания подчеркивают авторы «Словаря актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века» Т. В. Леонтьева и А. В. Щетинина, включившие в этот словарь лексику, описывающую «человека в коммуникации» и его намерения «примкнуть к той или иной группе, коллективу либо противопоставить себя кому-либо, выразить солидарность с другими участниками или проявить враждебный настрой <...>» [Леонтьева и др., 2021, с. 18]. Важный вклад в этнолингвистический анализ данной дихотомии внесли работы О. М. Фрейденберг, Вяч. Вс. Иванова и Н. И. Топорова, Ю. С. Степанова [Фрейденберг, 1998, Иванов и др., 1965, Степанов, 2001].

Статья посвящена семантическому анализу лексики русского языка, входящей в понятийную сферу «свой / свои» в диахроническом аспекте. Семантика ‘свой’ / ‘свои’ в русском языке реализуется в группе слов *друг, товарищ и брат*, которые появились в глубокой древности, прошли через

всю историю русского языка и остаются общеупотребительными на современном этапе его развития. Целью исследования является анализ данных лексем и их дериватов с точки зрения эволюции их семантической структуры в период XI—XVII веков. Важно выявить факторы социального, экономического и историко-культурного характера, обусловившие эти изменения. Актуальность исследования состоит в обращении к истокам широкоупотребительной лексики современного русского языка, в выявлении исходных значений слов, а также причин, обусловивших их семантическую эволюцию. Новизна исследования заключается в историко-лингвистическом описании группы лексем на материале различных письменных источников древней и средневековой Руси.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование выполнено в рамках исторической лексикологии, которая опирается на конкретные слова в «реальных речевых произведениях — текстах» [Добродомов, 1981, с. 76]. Как подчеркивает И. Г. Добродомов, «историческая лексикология <...> дает надежный и четко датируемый материал: ее факты и наблюдения отражают реальные и наглядные факты эволюции слова» [Добродомов, 1981, с. 75]. В статье использованы описательный и сравнительно-исторический методы для реконструкции семантических отношений, а также лексикографический метод, выявляющий репрезентацию лексем в словарях, и метод лингвокультурологического анализа. Материалами для исследования послужили письменные источники церковного характера, а также правовые и законодательные акты, договоры, челобитные, берестяные грамоты. Автор обращается к фольклорным текстам, отражающим особенности устного бытования лексем на ранних этапах развития языка. В рамках проводившегося исследования привлекались историко-лингвистические словари, в том числе «Словарь русского языка XI—XVII веков» [СлРЯ XI—XVII века], «Материалы для древнерусского словаря» И. И. Срезневского [Срезневский] и др.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Оппозиция «свой — чужой» в представлении древних славян, по мнению Вяч. В. Иванова и В. Н. Топорова, была связана прежде всего с социальной сферой, с принадлежностью к той или иной социальной группе, вследствие чего «противопоставление свой — чужой должно рассматриваться как определяющее в плане социальной интерпретации» [Иванов и др., 1965, с. 157]. С глубокой древности человек, не принадлежавший к конкретному социуму, воспринимался как неприятель, чужак. Как отмечает О. М. Фрейденберг, в античный период «человек, пришедший из

чужого поселения, считался врагом» [Фрейденберг, 1998, с. 89]. Один из арабских писателей X века Истархи, описывая жизнь русского племени арта, подчеркивал то обстоятельство, что никто не имел возможности войти на территорию этого племени, «ибо они (жители) убивают всякого чужестранца, путешествующего по их земле; только что они спускаются по воде и торгуют, но никому не рассказывают о своих делах и не допускают никого провожать их» [Гаркави, 1870, с. 193]. Как заключает И. М. Кулишер, «на известных ступенях развития по отношению к чужеземцам, к членам других общин невозможны какого бы то ни было рода мирные отношения, <...> каждая из общин составляет замкнутый “мир”, враждебный всем другим “мирам”» [Кулишер, 1887, с. 195].

Однако потребность во взаимодействии с соседями, в том числе и в экономической сфере, приводила замкнутые племена и общества к разного рода контактам, к заключению мирных договоров и ведению меновой торговли. Появляется ряд ритуалов, в результате которых «чужой» становится «своим» и, следовательно, появляется возможность вступления с ним в контакт. В русском языке для обозначения «своих» использовались лексемы *брат*, *друг* и *товарищ*, которые будут рассмотрены далее в такой последовательности.

3.1. «Злато и серебро погубите брата своего ради...»

Как отмечалось выше, в ранних сообществах пришельцы воспринимались враждебно, по отношению к ним могли совершаться недружественные действия. Однако в кругу своих соплеменников, в своем мире, среди «своих» модель поведения его членов была совсем иной: они были доброжелательны, внимательны друг к другу, сострадательны и честны [Кулишер, 1887, с. 195].

Анализируя происхождение и семантику праславянского корня *swe, Э. Бенвенист подчеркивает, что «термины, производные от *swe: <...> лат. *suus* ‘свой’, а также гр. *étēs* ‘сородич, свойственник’, *hetaĩros* ‘соратник товарищ’, лат. *sodalis* ‘компаньон, собрат, коллега’ позволяют усматривать в исходной форме *swe наименование социальной общности, каждый член которой проявляет свою “самость”, лишь находясь “среди своих”» [Бенвенист, 1995, с. 212—213]. Именно члены узкого сообщества, которые родились в нем и провели свою жизнь, воспринимались как *свои*, и для их обозначения использовалось слово *брат*, о чем свидетельствуют данные «Словаря русского языка XI—XVII веков», где *брат* фиксируется со значением ‘согражданин, соплеменник’: *И мы полочане слюбили есмо блюсти риженина въ Полоцьку какъ своего брата полочанина, и справедливость имъ делати въ всемъ* [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 319]. Соответственно, община именовалась существительным *братчина*: *А братычина судить, какъ судыи* [СлРЯ

XI—XVII, вып. 1, с. 326]. В «Новгородской летописи» встречается словосочетание *за один брат* со значением ‘единодушно’: *Занеже, дети, видите последнее время, быле бысте за одинъ братъ въ крестиянствѣ* [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 319]. Следует отметить, что в ранних письменных источниках для обозначения родственников использовались лексемы *ближние* или *ближики*. В частности, в «Договоре Руси с Византией» 911 года в статье 4 об убийстве, где оговаривается ситуация, при которой совершивший убийство человек бежит с места преступления, устанавливается, что та часть имущества, которая положена ему по закону, переходит родственникам убитого: *Аще ли убежитъ сотворивый убийство, аще есть имовит, да часть его, сиречь, иже его будетъ по закону, да возьметъ ближние убьенаго* [ПРП, 1952, с. 7]. Статья 13 этого договора предусматривает передачу имущества близким родственникам, оставшимся на Руси, в случае смерти русского человека, находившегося на службе у греческого царя и не оставившего завещания: *Аще кто умреть, не урядив своего имени, ци и своих не имать, да възвратитъ имение к малымъ ближика в Русь* [ПРП, 1952, с. 9]. Здесь ближайшие родственники именуются *малыми ближиками*.

В архаическом традиционном обществе установление контакта с чужаком, пришедшим со стороны, предполагало процедуру инкорпорации последнего в сообщество посредством акта обращения «чужого» в «своего», то есть в «брата». Для этого проводился ритуал побратимства. Совершался он разными способами, в частности, одной из форм подобного действия являлось смешение крови участников, символизировавшее возникновение кровнородственных связей. Таким же образом заключались и мирные договоры между племенами, примером чему служат исторические свидетельства, приводимые И. М. Кулишером относительно вступления неродственных сторон в дружественный союз через символический акт смешения крови [Кулишер 1887, с. 100]. Заключение такого союза, когда между лицами, не состоявшими в кровном родстве, устанавливалось близкое товарищество и они становились побратимами, в русском языке обозначалось глаголом *брататься* [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 320].

На последующих ступенях цивилизации обряд смешения крови заменяется совместной едой и питьем, которые связывают участников между собой. Такого рода ритуал был распространен в скифских племенах: известны золотые изделия скифов, на которых изображены двое мужчин, пьющих из одного рога. Ритуал побратимства сопровождался взаимными клятвами, а также жертвоприношениями.

В Древней Руси формирование и укрепление социальных взаимосвязей, обусловленных взаимными обязательствами, осуществлялось посредством коллективных застолий, известных как *братчины*: *И начаша Ро-*

стислава звати льстью у братыцину... на Петровъ день [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 326]. Особое место в ритуале празднеств занимали *братины* — ‘сосуды в форме горшка, в которых подавались напитки’: *Да две братины, што мне далъ князь велики Василен...* [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 321]. В таком сосуде напитки могли передаваться по кругу среди присутствующих. Изначально в пирах принимала участие вся община, так как «когда-то институт пира-братчины слагался в родовой <...> общине» [Липец, 1969, с. 59]. Для пиров была характерна замкнутость, незваные гости на них не допускались, что нашло отражение в разного рода грамотах, в том числе уставных и жалованных. В этих документах использовалась традиционная клаузула: *И к тем их людем въ их села и в деревни на пиры и въ братчины и о праздницех незваны пити не ездят, ни ходят никто* [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 326]. По всей видимости, ситуация с приходом незваных гостей была явлением не таким уж и редким, так как в некоторых грамотах более подробно поясняется, как необходимо поступать с гостями, пришедшими на пир без приглашения. Так, в «Жалованной тарханно-несудимой грамоте князя Андрея Васильевича митрополиту Геронтию» говорится о том, что незваного гостя следует изгнать: *кто к ним придет из моего села из Воиславского незван на пир или в братчину, и государь или староста того человека незваного вышлет вон...* [АФЗХ, 1951, с. 93]. В ситуации, когда такой гость всё-таки не сочтет нужным уйти, а во время его пребывания на пиру будут совершены противоправные действия, предусматривается взимание с него штрафа в двойном размере без суда и следствия: *А хто у них человек незваной ис пиру или из братчины вон не пойдет, а имет пити сильно, а учинится у них в той братчине или на пиру какова гибель или татьба, и яз ту гибель на том велю взяти вдвое без суда и без исправы* [АФЗХ, 1951, с. 93]. Таким образом, явно прослеживается закрытость братчин и поддержка этого правила со стороны князя и его администрации.

Особое значение имели пиры княжеской дружины, на которых князь выслушивал рассказы воинов о своих ратных подвигах и одаривал их в соответствии с их заслугами. В русских повестях встречается метафорический образ боя-пира, на котором дружина призвана испытать чашу смертную. В частности, в «Повести о разорении Рязани Батыем» описывается страшный погром и опустошенный город, на месте которого остались только земля, дым и пепел, лежащие на поле боя воины. Как отмечает Д. С. Лихачев, «образ общей смертной чаши много раз как рефрен настойчиво повторяется в “Повести”». О смертной чаше, испытать которую пришел перед битвой черед князю и дружине, говорят перед боем князья; образ смертной чаши доминирует в плачах; он развивается в образ боя-пира» [Лихачев, 1987, с. 131].

Обряд побратимства предполагал также обмен доспехами двух воинов. Такого рода традиция существовала еще в античный период, о чем свидетельствует фрагмент из «Илиады» Гомера, в котором Главк и Диамед после битвы обмениваются оружием и становятся друзьями: *Главк! обменяемся нашим оружием; <...> и, с своих колесниц соскочивши, За руки оба взялись и на дружбу взаимно клялися* [Гомер, 2008]. В древнерусской традиции «при заключении обряда побратимства богатыри обмениваются конями или одеждой: *Да конями с Чурилом-то поменялось, / Да цветным-то платьем побратаносе*» [Липец, 1969, с. 85]. Также возможен был обмен нательными крестами, в связи с чем появляется двусоставное наименование, обозначавшее побратима, — *брат крестовый*. Как отмечает Р. С. Липец, здесь происходит замена родовых отношений узами, соединившими случайно встретившихся людей, близких по духу, ставших друзьями и соратниками. Такие взаимоотношения скрепляли воинские подразделения сильнее, чем узы родства, что находит свое отражение в утверждении: «Крестовый брат лучше родного» [Там же, с. 85—86]. В русском эпосе говорится о том, что «побратима нельзя убить <...>, желание побратима — закон; у них “заповедь положена” “слушать друг друга”» [Там же]. Как видим, побратимы оказываются связанными взаимными обязательствами.

В XVII веке в русском языке слово *брат* используется со значением ‘ближний’: *Злато и серебро погубите брата своего ради, и примите сокровище неоскудно въ день суда* [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 319], а существительное *братство* обозначает ‘дружественный союз’: *Преставися король угорский Матиашъ, а с великимъ княземъ былъ в любви и в докончании и в братстве* [Там же, с. 325].

Таким образом, семантическая структура лексемы *брат* отражает особенности раннего периода социальной организации общества, так называемой родовой общины, когда термин родства *брат* включает семантику ‘согражданин’, а входящие в один с ним семантический ряд дериваты *братчина* и *брататися* оказываются связанными с древним ритуалом побратимства, процесса, при котором *чужой* становился *своим*.

3.2. «Буди ми друг ...»

Слово *друг* в самых ранних древнерусских источниках фиксируется как краткая форма местоименного прилагательного *другъ* со значением ‘другой’: *Аще бы кто добро другу чинилъ, то добро бы было; а копя подь другомъ яму, сам ся въ ню въвалить* [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 360]. *Друг* со значением ‘другой’ входит в состав прилагательного *другдружный* — церкв. ‘действующий один против другого, междоусобный’: *На другдружное убийство поучаше варварская колена* [СЦС, 1847, с. 374]. Слово *друг* с современным нам значением фиксируется в *Лаврентьевской летописи*:

Рече же князь печенежский къ Претичю: буди ми другъ... и подаста руку межю собою [СлРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 360].

Каким же образом соотносятся лексемы *друг* — ‘другой’ и *друг* — ‘близкий человек’? Как отмечают исследователи, природа этой связи до конца еще не выяснена [Степанов, 2001, с. 155]. Однако здесь уместно вспомнить фразу *Возлюби ближнего, как самого себя* и притчу, рассказанную Иисусом Христом о самарянине, содержащуюся в Евангелии от Луки (гл. 10, стихи 30—35). В ней говорится о том, что на человека, который был в пути, напали разбойники, и окружающие прошли мимо, и священник, и левит. Только самарянин, человек из другой страны и другой веры, остановился и помог пострадавшему иудею: перевязал раны, отвез в гостиницу и оплатил её. И кто стал ближним для пострадавшего человека? — спросил Иисус. — Тот, кто оказал помощь. — Иди, и ты поступай так же, сказал Иисус [Пивоваров, 2007]. Определяющим оказалось проявление человечности в сближении двух разных людей, когда этот человек *друг* — ‘другой’ становится *другом* — ‘близким человеком’.

Прилагательное *дружный* использовалось со значением ‘принадлежащий другу; свойственный другу’. В одном из текстов делового характера встречаем словосочетание *дружная любовь: Государю Низовские земли, ... Ростовскому ... Белоозерскому и иных земель наше челобитье и дружная любовь* [СлРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 365]. Слово *друг* в летописных текстах отмечено со значением ‘товарищ, спутник’: *Повеле владыка Василий писати церковь... Исаю Гречину с другы; И приехаше посадник Дорофеи и с своими друзи ... со многим полономъ* [СлРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 360]. В текстах церковного характера с этим же значением ‘товарищ, соучастник’ фиксируются дериваты *дружебникъ* и *дружина* [СлРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 362—363]. Кроме того, *дружина* — это и товарищ, соучастник противоправных действий, разбоя и грабежа: *Имея подъ собою дружинъ ѿ с ними же разбои творящие* [Срезневский, 1893, с. 731].

Собирательное существительное *дружина* вызывает особый интерес. Прежде всего *дружина* обозначала древнерусскую общину, о чем говорится в «Русской Правде» Пространной редакции: *А головничество а то самому головнику; а въ 40 гривенъ ему заплатити ис дружины свою часть* [ПРП, с. 58]. Здесь речь идёт о выплате штрафа за убийство: преступник должен заплатить штраф, и определенную часть должна внести и община, то есть *дружина*.

Также представляет интерес одна из берестяных грамот под № 109, относящаяся к концу XI—XII веков, в которой говорится о покупке краденой рабыни: *Грамота отъ Жизномира къ Микоуле. Коупиль еси робоу Пльско-ве, а ныне мя въ томъ яла кнѣягыни. А ныне ся дружина по мя порочи-*

ла. *А ныне ка посьли къ томоу моужеву грамоту, ели оу него роба <...>* [Зализняк, 2004, с. 257]. Перевод данного текста: «Грамота от Жизномира к Микуле. Ты купил рабыню во Пскове, и вот меня за это схватила (подразумевается: уличая в краже) княгиня. А потом за меня поручилась дружина. Так что пошли-ка к тому мужу грамоту, если рабыня у него <...>» [Зализняк, 2004, с. 257]. Как отмечает А. А. Зализняк, «основное содержание ясно: рабыня, купленная Микулой для Жизномира, оказалась краденной (или беглой)», в данной ситуации за Жизномира поручилась «дружина в целом как юридическое лицо» [Зализняк, 2004, с. 257—259].

Очевидно, что рус. *дружина* производно от *друг*. В целом данное гнездо на праславянском уровне не имеет удовлетворительной этимологии. В этимологическом словаре высказывается «предположение, что в основе всего гнезда был гл. со знач. ‘следовать’, что хорошо согласовалось бы со всеми реально засвидетельствованными знач-ми» [ЭССЯ, вып. 5, с. 132]. (О прагерманской параллели в развитии значения ‘воинская дружина’ см. [Степанов, 2001, с. 154—155]). В. Н. Топоров, анализируя данные восточно-балтийских языков, подчеркивает семантическую связь балт. *drī-* с и.-евр. **dhreu* и образом мирового древа: «Поскольку для этой эпохи <...> характерно отождествление дерева и человека и / или установление соотношений между частями дерева и членами человеческого тела, — становится понятным и частое в балтийских языках применение корня *drī-* к человеку <...> В этой связи можно напомнить и о том же корне с расширением *-g-* в балт. *draug-* ‘друг’, ‘спутник’, ‘товарищ’ и т. п.» [Топоров, 1975, с. 378].

Древнерусская княжеская дружина представляла собой преданных своему предводителю воинов, княжеский совет. Члены дружины служили лично князю и находились на его содержании. Следует отметить, что институт дружины «не являлся спецификой какого-либо народа или региона, а представляет собой общеисторическое явление. У большого числа народов <...> существовал особый социальный слой военно-служилой знати, знати, отличной от родоплеменной» [Горский, 1989, с. 13]. По свидетельствам историков, например, в кельтских племенах у вождя был отряд лично ему преданных воинов. В случае гибели вождя они были призваны разделить с ним его участь или сами должны были лишиться себя жизни. Возвращение с поля боя, на котором пал вождь, являлось бесчестьем и позором на всю жизнь [Горский, 1989, с. 13]. Важным здесь является фактор личной преданности и верности, неукоснительное следование данным клятвам. В связи с этим представляет интерес тот факт, что глагол *дружить* использовался с формой дательного падежа (кому?): *А помощи ему не возмогаша, занеже многие воины дружаху еретеку Ростриге* [СлРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 364].

В текстах церковного характера фиксируется слово *дружина*, обозначававшее супругу, жену: *Преподобный Ксенофонт и дружина его Мария* [СЦС, 1847, с. 374]. При заключении брака также даются взаимные клятвы верности, таким образом, в данной лексеме находят отражение основные семантические составляющие, связанные с теми или иными обязательствами не только в воинском союзе, но и в семейных отношениях.

Слово *дружба* использовалось со значением ‘сообщество людей, объединенных под чьим-либо началом’, причем употреблялось оно в текстах церковного характера: *И всякъ иже не приидет въ три дни... възмется все существо его и тои отимется от дружбы преселения* [СлРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 362].

Таким образом, слово *друг* как краткое прилагательное обозначало ‘другого, иного’, не относящегося к *своим*. Производные *дружина* и *дружба* обозначали сообщества, общины или группы людей, объединенных по различным видам деятельности, однако одним из важнейших признаков была тесная их связь, основанная на взаимных обязательствах. Дериват *дружить*, который использовался с формой дательного падежа (кому?), со временем заменяется глаголом *служить*.

3.3. «И тот Михайло со товарищи...»

Семантика ‘сообщество людей, объединенных под чьим-либо началом’ реализовывалась также в лексемах *товарищество* и *товарство* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 381]. *Товарищество* включало в себя и всех жителей города: *К гетману ... съезжались в раду полковники и товарство* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 383].

Слово *товарищ* с современным нам значением является довольно древним по своему происхождению и фиксируется в источниках XI века, в частности в «Остромировом Евангелии» [Старчевский, 1899, с. 851]. С этого же периода используется существительное среднего рода *товарище*, обозначававшее военный или походный лагерь, как правило, состоявший из шатров. В «Ипатьевской летописи» под 1159 годом фиксируется: *Изяславъ же ... вседше на конь гна до товарищъ ихъ, и види товарища горяща, и воротися опять* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 381]. В «Словаре русского языка XI—XVII веков» с этим же значением отмечена лексема *товар*: *Александръ же, постигъ Дарьевъ товаръ, въселися во нь* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 378]. Там же поясняется: *товарник* — ‘тот, кто участвует с кем-либо в одном деле, предприятии и т. п.; сотоварищ, товарищ по оружию’: *Артори ... призва своего Лукья своего товарника* (букв. ‘с которым жил в одном шатре’) [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 382].

В XVI—XVII веках значение слова *товарищ* — ‘тот, кто участвует с кем-либо в одном деле, промысле, предприятии и т. п.; сотоварищ’ — со-

хранятся: *А товарищовъ их всехъ велель князь велики своим приставом подавати на поруки на крепкие в полуторе тысяче рублех во истыцевых* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 381—382]. В этот период часто используется форма множественного числа творительного падежа с предлогом *съ* — *съ товарищи*. В деле о жалобе крестьян Тавенской волости о незаконной приписке писцом Н. Толочановым тяглою земли и злоупотреблениях воеводы Д. Данилова при сборе налогов содержится следующий фрагмент: *Царю государю и великому князю Федору Алексеевичю, всеа Великияи Малыя и Белья Росии самодержцу, быют челом сироты твои, Чаронские округи розных волостей крестьянишка Тавинския волости Аввакумко Меркурьев с товарищи* [АПД, с. 71]. Так как подается жалоба на злоупотребления чиновников от жителей волости, следовательно, *товарищами* являются все жители волости.

Следует отметить употребление слова *товарищ* как обозначения соучастника в совершении противоправных действий. В одной из челобитных XVII века крестьянин боярина князя Черкасского об ограблении его шушскими кабацкими откупщиками так описывает произошедшее с ним: *В нынешнем, государь, во 136-м году марта в 16 день приезжал я в Шую торговать и взошел я к ним на кабак испить. И тот Михаило с товарищи учали меня бить и грабить и убив покинули замертва. А грабежу, государь, взяли у меня пятьдесят рублев с полтиною денег* [КЧ, с. 14]. В произведениях устного народного творчества, в частности, в воровских и разбойничьих русских народных песнях, также речь идет о товарищах — соучастниках разбоя, метафорически осмысленных. А. А. Коринфский приводит пример одной из песен, в которой молодец, совершивший разбой, размышляет о предстоящем допросе, который будет вести сам царь, какие вопросы он ему задаст и что тот ему ответит: *Еще станет меня царь-государь спрашивати <...> Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын, уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал? Еще много ли с тобою было товарищей? Я скажу тебе, надежа православный царь, всю правду, я скажу тебе всю истину: что товарищей у меня было четверо, уж как первой мой товарищ темная ночь, а второй мой товарищ — булатный нож, а как третий товарищ мой — добрый конь, а четвертой мой товарищ — тугой лук, что рассыльчики мои — калены стрелы* [Коринфский 1901, 1995].

В «Хождении за три моря» Афанасий Никитин своих попутчиков называет *товарищами*: *И яз свое судно покинул да полез есми на судно на послово и с товарищи своими* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 382]. Данная семантика эксплицировалась также в двусоставном наименовании *дорожный товарищ* в источниках XVII века. С XVI века слово *товарищ* приобретает ещё одно значение — ‘лицо, состоящее при ком-либо в качестве

помощника'. *Судный товарищ* — 'помощник судьи': *Судным товарищем ... отвечать перед тем судьей, с кем судят* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 382]. С этим значением 'помощник' слово *товарищ* активно использовалось в русском языке в XIX веке и начале XX века, например, в составе словосочетаний *товарищ министра, товарищ прокурора*.

Безусловно, существительное *товарищ* в значении 'близкий человек, товарищ, друг' также встречается в источниках XVII века: *Пускай оне с лукавым духом, а мы, христиане, со Христом Исусом. Нам оне, поганцы, в товарищы не надобны* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 382]. Отметим, что языковые единицы *товарищество* и *товарство* в XVII веке приобретают в своём семантическом спектре коммерческую составляющую и с этого периода обозначают 'торговый союз': *Учинить купецкое Северное товарищество* [СлРЯ XI—XVII, вып. 29, с. 381].

Таким образом, хорошо знакомое нам слово *товар* обладало семантикой 'шатровый лагерь воинов', производные лексемы *товарники* и *товарищи* обозначали, соответственно, тех, кто пребывал в этом *товаре*, — соратников, представителей воинского братства. *Товариществом* и *товарством* назывались сообщества, находящиеся в чем-либо подчинении, которые могли включать в себя жителей города или волости. Коммерческая составляющая в семантической структуре этой лексемы, приобретенная в XVII веке, сыграла важную роль в дальнейшем функционировании слова, в том числе и на современном этапе развития русского литературного языка.

4. Заключение = Conclusions

При изучении древних народов и цивилизаций на ранних ступенях их развития исследователи отмечают дихотомию *свой* — *чужой* как одну их важных составляющих мировидения человека, на основе которой строились взаимоотношения как внутри сообщества, так и вне его. Изначально к «своим» относились члены общины, объединенные узами родства, а затем и близкие по духу и образу мыслей люди, нередко связанные взаимными обязательствами. Общины именовались лексемами *братчина* и *дружина*, а сообщества людей — существительными *товарищество* и *товарство*. В период военной демократии *побратимство* отрицает родовые связи и заменяет их «крепкой дружбой случайных соратников» [Липец, 1969, с. 87]. Также со значением 'попутчик, спутник' использовались слова *товарищ*, *друг* и *дружина*. Таким образом, слова *брат*, *товарищ* и *друг* и их производные широко использовались в русском языке с XI века с целым спектром значений.

История данных слов, обозначающих необычайно важные для русской ментальности понятия, способствует осмыслению значимых для русской

лингвокультуры сематических связей и преобразований. Раннее значение слова *брат* - ‘согражданин’ — позволяет понять, почему его семантика выходит за рамки терминов родства в современном русском языке. Этимон *друг* со значением ‘крепкий, прочный’, связанный с образом мирового древа, и его производное *дружина* ‘сообщество преданных и верных своему вождю людей, готовых жертвовать жизнью ради него и связанных между собой определенными обязательствами’ дают возможность как вполне закономерные воспринимать следующие семантические признаки слова *друг* в современном русском языке: «1) Друг предан субъекту и считает своим долгом помогать ему в любых обстоятельствах <...>; 2) Друг бывает ближе, чем член семьи, и субъект может испытывать в нем потребность <...>; 3) Данные отношения налагают на друзей определенные обязательства, вследствие чего субъект готов жертвовать своими интересами ради друга» [Урысон, 2003, с. 297].

В качестве важных семантических компонентов сочетаний с лексемой *друг* в пушкинскую эпоху (*прямой друг, кровный друг, мирный друг*) Т. В. Леонтьева выделяет следующие признаки: «‘откровенный, основанный на абсолютном доверии’, ‘близкий по духу или социальному происхождению (аналогично биологическому родству)’, ‘живущий в согласии, в мире, без вражды’» [Леонтьева, 2020, с. 66].

Лингвокультурологи отмечают, что в России дружба и сегодня предполагает серьезные и ответственные взаимоотношения. С понятием *друг* связаны не просто совместное приятное времяпрепровождение, как это характерно для западной культуры [Вежицкая, 1999, с. 335—336], дружба накладывает очень важные обязательства, которые следует неукоснительно выполнять. На это обращают внимание иностранные исследователи и настороженно относятся к таким высоким требованиям дружбы. Х. Смит в книге *Русские* отмечает, что в России «истинные друзья преданно отправятся на выручку <...>, русские требуют от друга полной преданности». И далее исследователь выражает к этому свое личное отношение: «Как журналист, я нахожу это несколько щекотливым» [Цит. по: Вежицкая, 1999, с. 341].

Слово *товарищ* продолжает использоваться и в настоящее время, после завершения советского периода, в котором оно получило необычайное распространение и развитие. Данная лексема встречается в самых ранних письменных источниках со значением ‘соратник, представитель воинского братства’, в связи с этим и в современном русском языке, как подчеркивает А. Д. Шмелев, «слово *товарищ* указывает на мужскую солидарность, основанную на совместном участии в одних и тех же событиях групп мужчин, которых судьба собрала вместе» [Шмелев, 2005, с. 291—292].

На материале современного русского языка и лексикографических данных изучаются и лексемы *братство, товарищество* и др., в том числе их семантическое наполнение [Моргунова, 2023].

В заключение хотелось бы привести слова, отражающие закономерности развития языка: «Каждый живой язык... вечно движется, вечно растёт <...>. Но как бы ни менялся язык, какими бы новыми ни обрастал словами, его общенациональные законы и нормы в основе своей останутся устойчивы, неизменны, незыблемы. Язык <...> в главной своей сути остаётся всё тем же, сохраняя в неприкосновенности золотой фонд своего словаря <...>, выработанного в былые века» [Чуковский]. Несомненно, слова *брат, товарищ* и *друг* входят в этот золотой фонд и содержат в себе те глубокие смыслы, которые формировались на протяжении веков, и отражают основные принципы социальной структуры общества, в котором *иной* становится *своим*.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АФЗХ — *Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XV веков*. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1951. — Часть 1. — 402 с.
2. АПД — *Акты писцового дела 60—80-х годов XVII в.* / Сост. С. Б. Веселовский. — Москва : Наука, 1990. — 475 с. — ISBN 5-02-009480-3.
3. Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов* / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс — Универс, 1995. — 454 с. — ISBN 5-01-003860-9.
4. КЧ — *Крестьянские челобитные XVII века*. Из собраний Государственного Исторического музея. — Москва : Наука, 1994. — 329 с. — ISBN 5-02-008676-2.
5. Старчевский А. В. *Словарь древнего славянского языка*, составленный по Остромирову евангелию Ф. Миклошичу, А. Х. Востокову, Я. И. Берединову и И. С. Кочетову / А. В. Старчевский. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1899. — 946 с.
6. СлРЯ XI—XVII вв. — *Словарь русского языка XI—XVII вв.* — Москва : Наука, 1975—2015. — Выпуск 1—30.
7. ПРП — *Памятники русского права* / Под ред. С. В. Юшкова, сост. А. А. Зимин. — Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1952. — Выпуск 1. — 287 с.
8. Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам* / И. И. Срезневский. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1893. — Т. 1. — 771 с.
9. Степанов Ю. С. *Константы : словарь русской культуры*, изд. 2-е / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический Проект, 2001. — 989 с. — ISBN 5-8291-0007-X.
10. СЦС — *Словарь церковно-славянского и русского языка*, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1847. — Т. IV — 491 с.
11. Топоров В. Н. *Прусский язык. Словарь* / В. Н. Топоров. — Москва : Наука, 1975. — Т. 1. — 400 с.

12. Урысон Е. В. Друг, товарищ, приятель / Е. В. Урысон // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд-е, испр. и доп. — Москва : Школа «Языки славянской культуры», 2003. — С. 297—299.

13. ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд* / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. — Москва : Наука, 1978. — Вып. 5. — 234 с.

Литература

1. Балясникова О. В. «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. В. Балясникова. — Москва, 2003. — 22 с.

2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежицкая. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 780 с. — ISBN 5-7859-0032-7.

3. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских / А. Я. Гаркави. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1870. — 308 с.

4. Гомер. Илиада / Перевод Н. И. Гнедича ; Изд. подготовил А. И. Зайцев. 2-е изд. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — 572 с. — ISBN 978-5-02-025210-3.

5. Горский А. А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси) / А. А. Горский. — Москва : Прометей, 1989. — 124 с.

6. Добродомов И. Г. Этимология и историческая лексикология (к изучению болгарских заимствований в славянских языках) / И. Г. Добродомов // Этимология. — 1979. — С. 75—84.

7. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 872 с. — ISBN 5-94457-165-9.

8. Иванов Вяч. Вс. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. — Москва : Наука, 1965. — 246 с.

9. Коринфский А. А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / А. А. Коринфский. — Москва : Институт русской цивилизации, 2013. — 944 с. — ISBN 978-5-4261-0023-7.

10. Кулишер И. М. Очерки сравнительной этнографии и культуры / И. М. Кулишер. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1887. — 287 с.

11. Леонтьева Т. В. Арханские именованья друзей : об адъективных атрибутивах кровные, прямые, мирные / Т. В. Леонтьева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 6. — С. 58—68. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.5>.

12. Леонтьева Т. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2021. — 424 с. — ISBN 978-5-91256-535-9.

13. Липец Р. С. Эпос и древняя Русь / Р. С. Липец. — Москва : Наука, 1969. — 301 с.

14. Лихачев Д. С. Великое наследие / Д. С. Лихачев // Избранные работы в трех томах. — Ленинград : Художественная литература, 1987. — Т. 2. — С. 3—342.

15. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 175 с. — ISBN 5-7859-0006-8.

16. Моргунова О. В. Семантические особенности слов братство, содружество, товарищество (на материале толковых словарей XX—XXI вв.) / О. В. Моргунова // Со-

временная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2023. — № 2—2. — С. 174—180. — DOI: 10.37882/2223-2982.2023.2-2.23.

17. Пивоваров Б. Евангелие в нашей жизни [Электронный ресурс] / Б. Пивоваров // Источниковедение в школе. — № 2 (5). — Режим доступа : <http://oornm.ru/wp-content/uploads/2020/10/2007-2.pdf> (дата обращения 12.03. 2025).

18. Чуковский К. И. «Живой как жизнь». Рассказы о русском языке [Электронный ресурс] / К. И. Чуковский. — Режим доступа : <https://azbyka.ru/deti/zhivoj-kak-zhizn-rasskazy-o-russkom-yazyke-kornej-chukovskij> (дата обращения 15.03. 2025).

19. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. / О. М. Фрейденберг. — Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — 800 с. — ISBN 5-02-017900-0.

20. Фельде В. Г. Оппозиция «свой-чужой» в культуре : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.13 / В. Г. Фельде. — Омск, 2015. — 20 с.

21. Шмелев А. Д. Дружба в русской языковой картине мира / А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 289—303. — ISBN 5-02-009480-3.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025,
одобрена после рецензирования 05.10.2025,
подготовлена к публикации 18.01.2026.

Material resources

AFZCh — *Acts of feudal land ownership and economy of the XIV—XV centuries*, 1. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 402 p. (In Russ.).

APD — *Acts of the scribal business of the 60—80-ies of the XVII century*. (1990). Moscow: Nauka Publ. 475 p. ISBN 5-02-009480-3. (In Russ.).

Benveniste, E. (1995). *Dictionary of Indo-European Social Terms*. Moscow: Progress — Univers. 454 p. ISBN 5-01-003860-9. (In Russ.).

ESSYa — Trubachev, O. N. (ed.). (1978). *Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavonic Lexical Fund*. Moscow: Nauka. Vol. 5. 234 p. (In Russ.).

KCH — *Peasant petitioners of the XVII century. From the collections of the State Historical Museum*. (1994). Moscow: Nauka Publ. 329 p. ISBN 5-02-008676-2. (In Russ.).

Russian Orthodox Church — Yushkov, S. V. (ed.). (1952). *Monuments of Russian Law*, 1. Moscow: State Publishing House of Legal Literature. 287 p. (In Russ.).

SLR XI—XVII centuries — *Dictionary of the Russian language XI—XVII centuries*, 1—30. (1975—2015). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).

Sreznevsky, I. I. (1893). *Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments*, 1. St. Petersburg: [b. i.]. 771 p. (In Russ.).

Starchevsky, A. V. (1899). *Dictionary of the ancient Slavic language, compiled according to F. Ostromirov's Gospel*. Miklosic, A. H. Vostokov, Ya. I. Berednikov and I. S. Kochetov. St. Petersburg: A. S. Suvarin Printing House. 946 p. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (2001). *Constants: dictionary of Russian culture*, ed. 2nd. Moscow: Academic Project. 989 p. ISBN 5-8291-0007-X. (In Russ.).

The CCC is a Dictionary of Church Slavonic and Russian compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences, IV. (1847). St. Petersburg: [b. i.]. 491 p. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1975). *The Prussian language. Dictionary*, 1. Moscow: Nauka Publ. 400 p. (In Russ.).

Uryson, E. V. (2003). Friend, comrade, friend. In: *New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. 2nd ed., ispr. and add.* Moscow: School "Languages of Slavic Culture". 297—299. (In Russ.).

References

- Balyasnikova, O. V. (2003). *"Friend or foe" in the linguistic consciousness of native speakers of Russian and English cultures.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Chukovsky, K. I. *"Alive as life". Stories about the Russian language.* Available at: <https://azbyka.ru/deti/zhivoj-kak-zhizn-rasskazy-o-russkom-yazyke-kornej-chukovskij> (accessed 15.03.2025). (In Russ.).
- Dobrodomov, I. G. (1979). Etymology and historical lexicology (towards the study of Bulgarian borrowings in Slavic languages). *Etymology.* 75—84. (In Russ.).
- Felde, V. G. (2015). *The opposition of "friend and foe" in culture.* Author's abstract of PhD Diss. Omsk. 20 p. (In Russ.).
- Freudenberg, O. M. (1998). *Myth and literature of antiquity. 2nd ed., ispr. and add.* Moscow: Publishing company "Oriental Literature" RAS. 800 p. ISBN 5-02-017900-0. (In Russ.).
- Garkavi, A. Ya. (1870). *Tales of Muslim writers about Slavs and Russians.* St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 308 p. (In Russ.).
- Gorsky, A. A. (1989). *The Ancient Russian squad (On the History of the Genesis of Class Society and the State in Russia).* Moscow: Prometheus Publ. 124 p. (In Russ.).
- Homer. *Iliad.* (2008). Saint Petersburg: Nauka Publ. 572 p. ISBN 978-5-02-025210-3. (In Russ.).
- Ivanov, Vyacheslav Vs., Toporov, V. N. (1965). *Slavic linguistic modeling semiotic systems (Ancient Period).* Moscow: Nauka Publ. 246 p. (In Russ.).
- Korinsky, A. A. (2013). *Narodnaya Rus. All year round, the legends, beliefs, customs and proverbs of the Russian people.* Moscow: Institute of Russian Civilization. 944 p. ISBN 978-5-4261-0023-7. (In Russ.).
- Kulisher, I. M. (1887). *Essays on comparative ethnography and culture.* St. Petersburg: [b. i.]. 287 p. (In Russ.).
- Leontieva, T. V. (2020). Archaic naming of friends: on the adjectival attributes blood, direct, peaceful. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics,* 19 (6): 58—68. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.5>. (In Russ.).
- Leontieva, T. V., Shchetinina, A. V. (2021). *Dictionary of the current vocabulary of unity and enmity in the Russian language of the beginning of the XXI century.* Yekaterinburg: Azhur. 424 p. ISBN 978-5-91256-535-9. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1987). The Great Legacy. In: *Selected works in three volumes, 2.* Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 3—342. (In Russ.).
- Lipetsk, R. S. (1969). *Epic and Ancient Russia.* Moscow: Nauka Publ. 301 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1996). *Inside thinking worlds. Man — text — semiosphere — history.* Moscow: Languages of Russian Culture. 175 p. ISBN 5-7859-0006-8. (In Russ.).
- Morgunova, O. V. (2023). Semantic features of the words brotherhood, fellowship, comradeship (based on explanatory dictionaries of the XX—XXI centuries). *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities,* 2—2: 174—180. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.2-2.23. (In Russ.).
- Pivovarov, B. The Gospel in our lives. *Source studies at school,* 2 (5). Available at: <http://oopnm.ru/wp-content/uploads/2020/10/2007-2.pdf> (accessed 12.03.2025). (In Russ.).

- Shmelev, A. D. (2005). Friendship in the Russian language picture of the world. In: *Key ideas of the Russian language picture of the world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 289—303. ISBN 5-02-009480-3. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1999). *Semantic universals and description of languages*. Moscow: Russian Culture Languages. 780 p. ISBN 5-7859-0032-7. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodsky dialect*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 872 p. ISBN 5-94457-165-9. (In Russ.).

*The article was submitted 19.05.2025;
approved after reviewing 05.10.2025;
accepted for publication 18.01.2026.*